

УДК 94(47).084.8

Образ союзника и практики взаимодействия с представителями союзных администраций в повседневной жизни сотрудников Советской военной администрации в Германии в 1945–1949 годы

А. В. Власов

Власов Алексей Владимирович, аспирант кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, aleksvlasov3007@gmail.com

В статье освещается взаимодействие советских сотрудников военной администрации и бывших союзников по антигитлеровской коалиции в период оккупации Германии после Второй мировой войны. На основе воспоминаний сотрудников были раскрыты образы союзников. Автор приходит к выводу о том, что практики взаимодействия советских сотрудников и представителей союзных администраций зависели от логики развития холодной войны.

Ключевые слова: Советская военная администрация в Германии, история повседневности, советская оккупационная зона, восточная Германия, Берлин, Союзный Контрольный совет.

Поступила в редакцию: 08.03.2020 / Принята: 25.03.2020 / Опубликована: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The Image of the Ally and the Practice of Interaction with Representatives of the Union Administrations in the Daily Life of SMAG Employees in 1945–1949

A. V. Vlasov

Alexey V. Vlasov, <https://orcid.org/0000-0002-2453-0255>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, aleksvlasov3007@gmail.com

The article examines how during the occupation of Germany after World War II, employees of the Soviet military administration interacted with former allies in the anti-Hitler coalition. Based on memories of the employees, various images of allies were identified. The author comes to the inference that the practices of interaction between Soviet employees and representatives of the allied administrations depended on the logic of the Cold War development.

Keywords: Soviet military administration in Germany, history of everyday life, Soviet occupation zone, East Germany, Berlin, Allied Control Council.

Received: 08.03.2020 / Accepted: 25.03.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-332-336>

6 июня 1945 г. постановлением СНК СССР № 1326-301сс «для осуществления контроля

за выполнением условий капитуляции»¹ была создана военная администрация по управлению советской оккупационной зоной Германии. Параллельными верховными оккупационными органами управления были Office of Military Government of the United States in Germany (OMGUS) во Франкфурте-на-Майне и Control Commission for Germany / British Element (CCG/BE) в Бад Эйнтауэне. Формально им соответствовал Conseil de Controle de la France pour l'Allemagne (CCFA) в Баден-Бадене, хотя административные полномочия в значительной степени сохранялись за Administrates General Adjoint pour le Gouvernement Militaire, а позднее за Secretariat General du Commandant en Chef Francais en Allemagne.

Фактически Советская военная администрация в Германии (далее – СВАГ) на протяжении четырех лет выполняла роль правительства. Высшей законодательной властью в Германии после ее поражения обладал Контрольный совет, учрежденный союзными державами в соответствии с решениями Потсдамской конференции. Он был образован 30 августа 1945 г. из четырех главнокомандующих оккупационными войсками в Германии, каждому члену помогали советники. Его решения должны были иметь силу закона во всех зонах, а приказы главнокомандующих – в пределах зоны².

После образования СВАГ постепенно стал формироваться штат сотрудников, которые вместе с членами своих семей, демонтажными группами, различными комиссиями советских министерств и ведомств образовали в центре послевоенной Европы советскую «колонию». Советские граждане стали на служебном и бытовом уровне взаимодействовать с немецким населением и представителями союзнических администраций. Происходила постепенная интеграция в этот специфический послевоенный социум на территории побежденной страны.

История повседневной жизни сотрудников СВАГ оказалась в поле зрения исследователей лишь недавно. Завершившаяся «архивная революция» 1990-х и 2000-х гг. сделала доступными многие темы, связанные с историей Советской военной администрации в Германии и советской ее оккупацией³. Обеспечение новым эмпирическим материалом⁴ в первую очередь коснулось «отраслевых» и институциональных объектов исследования⁵. Так, в период «больших проектов» было опубликовано свыше 10 документальных сборников⁶ и значительное количество наимено-

ваний монографий и статей на русском, английском⁷ и немецком языках⁸. Только в 2010-е гг. акцент изучения сместился к микроисторическим и антропологическим вопросам. В публикациях Н. П. Тимофеевой впервые нашли отражение проблемы восприятия немецкого населения и индивидуального самоопределения сотрудников⁹, а в трудах Р. Ю. Болдырева¹⁰ и В. А. Козлова¹¹ важное место отводилось различным вопросам проживания сотрудников в Восточной Германии.

Образ союзников и практики взаимодействия с представителями союзнических администраций не получили должного освещения в историографии, хотя данные сюжеты играли значительную роль в функционировании СВАГ и жизни советских сотрудников в Восточной Германии. Именно они и послужили объектом настоящего исследования. Целевой группой стали сотрудники Центрального аппарата СВАГ, который располагался в Берлине и провинции Бранденбург. Данная целевая группа выглядит наиболее гомогенной: у нее было общее место проживания в самом центре работы Союзного Контрольного совета, тесное служебное и бытовое соприкосновение с союзниками, более разностороннее, чем на границах оккупационных зон. Кроме того, она отличалась от прочих групп (например, в других провинциях) большей однородностью по личному и профессиональному опыту.

Репрезентативными источниками, позволяющими провести исследование с ракурса взгляда нового жителя Восточной Германии, являются воспоминания самих сотрудников Центрального аппарата СВАГ.

Годы, проведенные в послевоенной Германии, наполнялись содержанием встреч не только с немцами, но и с союзниками по антигитлеровской коалиции и с бывшими соотечественниками, эмигрировавшими из Российской империи и СССР. В первые месяцы союзной оккупации в администрациях Франции и США была распространена практика найма таких сотрудников.

Референт по церковной политике Управления пропаганды (информации) В. А. Ермолаев вспоминал: «Отношения с союзниками оказались очень милыми. Как-то Картерон устроил у себя *soirée* (*soirée* (фр.) – вечер, вечеринка. – А. В.) с легким вином и танцами. Здесь я познакомился с Николаем Николаевичем Юматовым – эмигрантом и теперь переводчиком у французов, человеком с интересной биографией, который сразу же понравился мне своей воспитанностью и интеллигентностью»¹². Но общение со своими бывшими соотечественниками не всегда могли быть приятными и желательными. Здесь сказывался и курс советской политики, направленный на дискредитацию эмигрантов и репатриантов и взаимное отдаление двух групп, каждая из которых имела уже свою историю и историческую память.

Часто бытовые различия, диссонанс в культуре, попытки эмигрантов угодить сотрудникам

вызывали у них негативное отношение и отторжение. В эти же ситуации вмешивались проявления «фронтовых пережитков». Тоску по Родине и русскому обществу у эмигрантов они воспринимали как их двуличность и фальшь: «Мы, разумеется, усадили за стол и хозяев, которые, как оказалось, совсем не страдали отсутствием аппетита. После второй рюмки водки хозяйка покраснелась, потом расплакалась – и стала причитать мне на ухо: Господи, вот это по-нашему, по-русскому. За столько лет хоть душу отвела, поела досыта... У немцев так не покушаешь! Немцы за свой стол не усадят... А пригласят в гости, так за вечер больше одной чашки кофе не предложат. <...> Поздно, по-моему, она вспомнила о Родине»¹³.

В массовом сознании советских людей образ союзника по антигитлеровской коалиции представлялся в самых различных ипостасях. Наряду с позитивными представлениями, чувством благодарности за помощь часто встречались и проявления двойственного отношения и даже недоверия к ним (особенно в отношении Великобритании). Причины этого были заложены в истории взаимоотношений России и СССР с этими странами, в наследии идеологической пропаганды предвоенных лет, но в немалой степени и в реальной политике союзных государств, преследовавших в первую очередь собственные интересы, в частности затягивавших открытие второго фронта в Европе¹⁴.

Образ абстрактного союзника в 1945–1949 гг. у советских военнослужащих проходил стадию персонификации. Контакты с союзниками происходили как в ходе деятельности Контрольного совета, так и совместной жизни в Берлине или на зональных границах. Показательным является тот факт, что прозрачность межзональных и межсекторальных границ в Берлине в первые месяцы оккупации позволяли сотрудникам посещать Западную Германию в командировочных целях.

На первой стадии своего существования Союзный Контрольный совет действовал весьма эффективно и конструктивно. Однако внешняя помпезность его заседаний и всеобщая эйфория сотрудничества стран-победителей скрывали многие противоречия послевоенного мира и сложности в отношениях союзников. Присутствовавшие на таких заседаниях сотрудники отмечали, что «высокие представители СССР, США, Великобритании и Франции не столько обсуждали реальные проблемы, сколько озвучивали декларации, отражавшие позицию правительств своих стран, а они были весьма различными и договориться было все труднее и труднее»¹⁵.

Для рядовых и высокопоставленных сотрудников различных комитетов и директоратах Контрольного совета совместная работа с союзниками сопровождалась также различными «увеселительными» мероприятиями, которые, как правило, проводились при смене председателя каждый месяц. Один из сотрудников, Е. Г. Плимак вспоминал об этом: «На Политическом директо-

рате, как и на других, впрочем, каждый месяц сменялась председательствующая сторона, и это событие отмечалось торжественно – очередным а-ля фуршетом, попойкой, говоря по-русски, а у нас иногда – даже с выездом на лоно природы, на какие-то озера, что были невдалеке»¹⁶.

Не одним Контрольным советом исчерпывалась общение советских военнослужащих с союзниками. Складывались знакомства, завязывались дружественные отношения¹⁷, союзники устраивали различные вечера и официальные приемы, к которым постепенно приобщались и советские граждане, универсальным языком для всех становился немецкий, хотя в той или иной мере формировали собственные знания языков своих союзников. Б. Г. Тартаковский во время поездки на Нюрнбергский процесс посетил один из таких вечеров: «Прием происходил на шикарной вилле, принадлежавшей ранее какому-то крупному промышленнику, а может быть и видному нацисту. Был, как полагается, превосходный шведский стол, множество разнообразных крепких напитков непривычная для нас обстановка американской party (party (англ.) – вечер, вечеринка. – А. В.). Был прекрасный теплый летний вечер, на расположенной в саду, среди цветов обширной площадке респектабельные седовласые американские судьи танцевали со своими разукрашенными и тоже отнюдь не молодыми женами, ни обращая на нас почти никакого внимания»¹⁸.

«My dear» от союзника часто могло являться «меткой» шпиона и предателя (My dear (англ.) – мой дорогой. – А. В.). Избыточное внимание союзников, особенно нетрезвых и говорливых, было бедствием (а в особых случаях и находкой) для советских военнослужащих.

Зачастую на таких мероприятиях сотрудники попадали в ситуации, вызывавшие неловкость и желание быть не хуже своих коллег. В. В. Чубинский писал: «Не секрет, что насчет манер мы все были слабоваты. И поэтому на разных официальных иностранных едальницах иногда возникали пустяковые, но неприятные проблемы: какой нож или вилку положено взять, что куда поставить, что пить, как быть с салфеткой. По моим наблюдениям, у многих американцев тоже относительно манер не все бывало ладно. Но они поступят как хотели, не смущаясь. Мы же смущались без нужды. <...> Но вот процесс еды, казавшейся мне экзотической... Первое время у меня все почти валилось из рук, сидел я красный, к тому же помнил, что англичане – люди традиций и устоявшихся форм поведения. Они видели мои мучения, но как люди воспитанные вежливо молчали»¹⁹.

Одним из самых ярких впечатлений и характерным элементом послевоенной действительности в Германии стали различные ярмарки в центре населенных пунктов, где за некоторые суммы или за бартер можно было приобрести все, что угодно. Данное явление не уникально для

подобных условий и представляло собой одну из стратегий выживания для немецкого населения: за различные предметы быта, драгоценности и антиквариат можно было купить продукты или другие вещи жизненной необходимости. Для военнослужащих оккупационных армий это была возможность приобрести драгоценные предметы, трофеи и «сувениры». В мемуаристике советского периода все это стигматизировалось риторикой коммерциализации европейского сознания (особенно в этом обвиняли американцев), ее «продажности» и т. д.²⁰. В остальных воспоминаниях это представлялось как возможность немцев для вполне сносного существования²¹ в период политической турбулентности и краха прошлой жизни с присущими ей социальными практиками²².

Устойчивым образом в восприятии и памяти военнослужащих советской администрации стал американец «торгашеского вида», преимущественно афроамериканец на «Уиллисе». Неоднократно этот образ воспроизводился в мемуарах и как пример американской оккупации, и как ловкая предприимчивость американцев: «Неподалеку от нас останавливается американский джип. Сидящие в нем солдаты – негры, не вылезая из машины, открывают бойкую торговлю. Шоколад, сигареты, мыло. Опорожнив свои мешки, негры улыбаются во весь рот и оглядываются по сторонам. Увидев нас, один из них бормочет что-то своему партнеру. Затем, красочно жестикулируя, он обращается ко мне, судя по всему предлагая что-то купить»²³. «Капиталистические» замашки ловко подмечались советскими сотрудниками у всех американцев: «На запыленном зеленом «виллисе»; в полной парадной форме сидит седой американский офицер с круглым красным лицом мясника. Он закатал рукав и выставил напоказ волосатую левую руку, сплошь унизанную новенькими мужскими и женскими ручными часами. На пальце сверкают толстый золотой перстень и обручальные кольца. Время от времени полковник, зазывая покупателей, выкликает на русском, немецком и французском языках»²⁴.

Рефлексивные оценки сотрудников советской администрации о взаимоотношениях с союзниками присутствуют во многих воспоминаниях, наиболее аналитическое описание было составлено В. В. Чубинским, переводчиком Управления внешней торговли и журналистом «Tägliche Rundschau»: «Общее отношение сейчас такое: антипатия – к англичанам, равнодушие к американцам и небольшая симпатия – к французам. Последнее происходит от выборов во Францию, от политики французов по отношению к немцам, которая во многих вопросах близка к нашей, и, наконец, от лояльного отношения к нам, проявляемого как французскими властями, так и рядовыми работниками. Если едешь в зону к американцам, то всегда можно опасаться какого-либо подвоха. У англичан почти то же самое. Во французском же секторе тихо, спокойно, для союзников созда-

ны все условия, солдаты приветливо улыбаются или козыряют»²⁵. Ему вторил и Г. А. Литвин: «Американские офицеры вели себя запросто, панибратски, английские и французские – чуть подержанней. Наш переводчик с английского завел увлекшую обоих с головой беседу с одним из американских офицеров, а для остальных незнание языка с разных сторон вполне компенсировалось улыбками, похлопыванием по плечу, подливанием виски и восторженными возгласами по каждому поводу. Часто переходили на немецкий язык, который все в разной степени понимали»²⁶.

С осени 1946 г. в советской и союзной администрациях стали происходить кадровые перестановки. Эйфория первых дружественных встреч сменилась на политическую конфронтацию. Ротации и сокращение кадров в СВАГ можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, общим сокращением аппарата управления и передачей все большего числа функций в руки немецких органов самоуправления. Во-вторых, усталостью многих людей от службы в Германии. В-третьих, продолжали приходить сообщения о падении морали среди советских служащих и военнослужащих – грабежах и убийствах, алкоголизме, вступлении в половую связь, а то и просто сожительстве с немками. В-четвертых, это было связано с внутривнутриполитическими процессами в СССР (борьба с космополитизмом, Ленинградское дело, антисемитская компания). В-пятых, военнослужащие не всегда могли выполнять задачи, которые стояли перед администрацией²⁷.

Ротация кадров союзных администраций в своей активной фазе 1947–1948 гг. была вызвана обострением международных отношений и началом Холодной войны. В первые годы оккупации в союзных администрациях работали военнослужащие самых разных политических ориентаций и среди них было немало сотрудников, придерживавшихся левых взглядов: антифашистов, ненавидевших нацизм и симпатизировавших Советскому Союзу. На смену им назначали, как и в советскую военную администрацию, «консервативных провинциалов», негативно воспринимающих «чужих», иностранных коллег. Для которых слова «советский» и «красный» действовали как красная тряпка на быка²⁸.

После этого отношения бывших союзников стали настороженными и подозрительными, если не враждебными. Распространенной практикой становились также «временные задержания» сотрудников администраций, усиленное патрулирование межзональных и межсекторальных границ. Что касается служебной сферы жизни, то ее наполнение изменялось по той же логике, что и повседневное взаимодействие военнослужащих разных государств. Более подробное исследование служебного взаимодействия требует отдельного изучения. За такими простыми выдержками о собственном прожитом опыте сотрудников

скрывается неповторимое столкновение разных культур со своими ценностными установками в поверженной стране. Эти знакомства позволяли не только адаптироваться в новой инокультурной среде, но и оказали существенное влияние в повседневной жизни как во время оккупации, так и после возвращения на Родину.

Примечания

- 1 Советская военная администрация в Германии. 1945–1949 : справочник / отв. ред. Я. Фойтцик, А. В. Доронин, Е. Царевская-Дякина. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 969–974.
- 2 См.: Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны : в 3 т. Т. 3 : Документы и материалы. 1 января – 3 сентября 1945 г. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1947. С. 282–283.
- 3 См.: *Филитов А. М.* Германия в советском внешнеполитическом планировании, 1941–1990. М. : Наука, 2009.
- 4 См.: *Семиряга М. И.* Как мы управляли Германией. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1995.
- 5 См.: *Болдырев Р. Ю.* Советская оккупационная политика в Германии, 1945–1949 : экономический аспект. Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2011.
- 6 См.: *Захаров В. В.* Серийное издание о деятельности Советской военной администрации в Германии // Отечественные архивы. 2012. № 6. С. 44–51.
- 7 *Naimark N.* Die Russen in Deutschland : Die Sowjetische Besatzungszone 1945 bis 1949. Berlin : Ullstein, 1997.
- 8 *Foitzik J.* Sowjetische Militäradministration in Deutschland (SMAD) 1945–1949 : Struktur und Funktion. Berlin : De Gruyter Akademie Forschung, 1999.
- 9 См.: *Тимофеева Н. П.* Немцы «свои» и «чужие» – в политике СВАГ 1945–1949 гг. // Германия и Россия в судьбе историка : сб. статей, посвященный 90-летию Я. С. Драбкина. М. : Собрание, 2008. С. 344–351.
- 10 *Болдырев Р. Ю.* Повседневная жизнь советских военнослужащих по материалам полуправления СВАГ // Люди между народами. Действующие лица российско-германской истории XX в. : материалы конференции российских и немецких историков (25–29 апреля 2009 г., Тутцинг, ФРГ). М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 141–154.
- 11 См.: *Козлов В. А., Козлова М. Е.* Жилище как трофей : квартирный вопрос в бюрократических практиках и личных стратегиях сотрудников Советской военной администрации в Германии (1945–1949) // Русский сборник. Исследования по истории России. Вып. XVI. М. : Издатель Модест Колеров, 2014. С. 376–377.
- 12 *Ермолаев В. А.* «Без гнева и пристрастия» : Записки историка. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2009. С. 248.
- 13 *Вайс Г. Л.* Утром, после войны. М. : Советский писатель, 1977. С. 114.
- 14 См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. Т. 10 : Государство, общество и война. М. : Кучково поле, 2014. С. 659.
- 15 Из истории деятельности СВАГ : интервью с ее бывшим сотрудником доктором исторических наук А. А. Гал-

- киным / беседовал С. Н. Мудров // Новая и новейшая история. 2011. № 5. С. 175.
- ¹⁶ Плимак Е. Г. На войне и после войны (Записки ветерана). М. : Весь мир, 2005. С. 58.
- ¹⁷ См.: Чубинский В. В. Моя оккупация Германии. Русский офицер в Берлине и окрест. 1946–1950 гг. СПб. : Образование-Культура, 2004. С. 185.
- ¹⁸ Тартаковский Б. Г. ВСЁ ЭТО БЫЛО... Воспоминания об исчезающем поколении. М. : АИРО-XXI, 2005. С. 268.
- ¹⁹ Чубинский В. В. Указ. соч. С. 276.
- ²⁰ См.: Верников С. М. Записки военного переводчика. Свердловск : Средне-Уральское книжное изд-во, 1977. С. 101–102.
- ²¹ См.: Кацева Е. А. Мой личный военный трофей : Повесть о жизни. СПб. : Изд-во Сергея Ходова, 2005. С. 46.
- ²² Бродский Е. А. Это известно немногим. М. : Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996. С. 297–298.
- ²³ Климов Г. Песнь победителя. Краснодар : Пересвет, 2002. С. 267.
- ²⁴ Вайс Г. Л. Указ. соч. С. 44–45.
- ²⁵ Чубинский В. В. Указ. соч. С. 178.
- ²⁶ Литвин Г. А. На развалинах третьего рейха, или маятник войны. М. : Вперед, 1998. С. 115.
- ²⁷ См.: Козлов В. А., Козлова М. Е. Операционные коды советской кадровой политики эпохи позднего сталинизма (по материалам Советской военной администрации в Германии, 1945–1949) // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. XXI. М. : Модест Колеров, 2017. С. 368–430.
- ²⁸ См.: Из истории деятельности СВАГ : интервью с ее бывшим сотрудником доктором исторических наук А. А. Галкиным. С. 172.

Образец для цитирования:

Власов А. В. Образ союзника и практики взаимодействия с представителями союзных администраций в повседневной жизни сотрудников СВАГ в 1945–1949 годы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 332–336. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-332-336>

Cite this article as:

Vlasov A. V. The Image of the Ally and the Practice of Interaction with Representatives of the Union Administrations in the Daily Life of SMAG Employees in 1945–1949. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 332–336 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-332-336>
